

Илья ВАСИЛЬЕВ Николай СВАНИДЗЕ

СОБИБОР

Возвращение подвига
**АЛЕКСАНДРА
ПЕЧЕРСКОГО**

Надеюсь, выход этой книги восстановит справедливость и подарит России имя, которым она может и должна гордиться. **Владимир Познер**

Николай Сванидзе

**Собибор. Возвращение подвига
Александра Печерского**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сванидзе Н. К.

Собибор. Возвращение подвига Александра Печерского /
Н. К. Сванидзе — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093888-9

Центральное место в книге занимает одноименное исследование Ильи Васильева и Николая Сванидзе, отвечающее на вопрос: почему героическое восстание в нацистском лагере смерти Собибор в течение почти 70 лет не получало должного признания в Советском Союзе, в постсоветской России и в остальном мире. На большом фактическом материале авторы прослеживают историю забвения и признания подвига собиборцев с 1943 года и до наших дней. Кроме того, в сборник вошли не публиковавшаяся ранее рукопись воспоминаний Александра Печерского, поэма Марка Гейликмана «Люка», давшая старт международному проекту по увековечению памяти героев Собибора, а также ряд эссе российских и зарубежных политических и общественных деятелей, писателей, актеров, предлагающих свои разгадки личности Александра Печерского и того, что произошло 14 октября 1943 года в лагере смерти Собибор. Издание подготовлено Фондом Александра Печерского.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093888-9

© Сванидзе Н. К., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Вячеслав Володин	6
Илья Васильев, Николай Сванидзе	7
Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Карлович Сванидзе, Илья Юрьевич Васильев

Собибор

Возвращение подвига Александра Печерского

*Вы, имея любовь <...> к Отечеству <...> не щадили живота своего
и на тысячи смертей устремлялись не боязненно. Храбрые дела ваши
никогда не будут забыты у потомства.*

Обращение Петра I к героям Полтавской битвы

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Сванидзе Н., 2018

© Васильев И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Вячеслав Володин

Вступительное слово

75 лет прошло со дня восстания узников нацистского лагеря смерти Собибор. С каждым днем трагические события октября 1943 года от нас все дальше. Долгое время эта страница истории Великой Отечественной войны не предавалась огласке, оставалась неизвестной широкой общественности.

Лейтенант Александр Печерский – советский офицер, еврей по национальности, возглавивший восстание в Собиборе, совершил героический поступок. В плену он не пал духом, смог противостоять обстоятельствам, объединил вокруг себя людей и поднял их на борьбу с врагом. Это было единственное восстание в лагерях смерти, которое закончилось победой узников.

Как известно, история преподносит нам уроки. Ценой миллионов человеческих жизней мир понял, что ни одна нация не должна и не может считать себя исключительной. Даже по прошествии времени мы помним о жертвах нацистских преступников и о мужестве людей.

Нам необходимо сохранить эту правду. Мы обязаны рассказать об этой страшной трагедии своим детям и внукам, чтобы такие преступления больше никогда не повторялись.

Вячеслав Володин

председатель Государственной Думы

Федерального собрания Российской Федерации

Илья Васильев, Николай Сванидзе

Возвращение подвига

Документальное исследование

Предисловие

14 октября 1943 года произошло знаменитое восстание в Собиборе – единственное успешное восстание в нацистском лагере смерти. Несколько дней спустя по приказу рейхсфюрера СС, рейхсминистра внутренних дел Генриха Гиммлера лагерь был снесен, земля, на которой он стоял, распахана, на месте газовых камер и других лагерных построек немцы высадили деревья. Один из «цехов» огромной, идеально отглаженной и прекрасно работавшей фабрики уничтожения евреев, где за полтора года было убито до четверти миллиона человек, навсегда прекратил свое существование. История лагеря смерти Собибор на этом закончилась. Началась другая история – история памяти, история долгого возвращения подвига.

Собибор превратился для нацистов в эмблему позора – несколько десятков изможденных и обреченных на гибель «недочеловеков» под руководством лейтенанта Красной Армии Александра Печерского уничтожили до зубов вооруженных эсэсовцев, перебили их помощников (лагерных охранников – вахманов, или «травников») и вместе с остальными заключенными бежали через минные поля в лес. Но не только стремлением забыть об этом позоре руководствовался Гиммлер, отдавая приказ стереть Собибор с лица земли. У него были и более прагматические соображения: немцы тщательно следили за соблюдением секретности во всем, что касалось работы лагерей смерти. Они понимали, что почти триста бежавших узников являются свидетелями их преступлений, и потому сделали все возможное для скорейшей поимки и уничтожения беглецов.

Но и сами бывшие заключенные осознавали себя такими свидетелями. Отныне жизнь некоторых из них, в первую очередь самого Печерского, будет посвящена сохранению памяти о выживших и погибших, о героях и палачах Собибора. Однако, после недолгого всплеска интереса, их история на долгие десятилетия стала заложницей меняющейся конъюнктуры, как мировой, так и внутренней, в каждой стране своей. Для советского человека символом фашистских зверств стали лагеря Освенцим и Бухенвальд, для западного – тот же Освенцим и Дахау. А восставшие собиборцы оказались неудобны практически всем, хотя и по разным причинам. Польше – потому что многие из бежавших были убиты польскими антисемитами и просто мародерами. Голландии (а в Собиборе погибло больше 30 тысяч голландских евреев) – потому что в стране выжило в процентном отношении гораздо меньше евреев, чем в соседних Франции или Бельгии, и это ставило перед обществом неприятные вопросы. Западу в целом – потому что началась Холодная война и подчеркивать подвиги вчерашних союзников стало не принято. Израилю – потому что жители нового государства первые десятилетия вообще старались не вспоминать о Холокосте, а история восстания в Собиборе к тому же противоречила стереотипному образу забитого еврея диаспоры, на противопоставлении которому во многом строился образ израильтянина как «еврея нового типа».

Руководитель восстания Александр Печерский через несколько дней после побега из лагеря вместе с товарищами-красноармейцами перешел Буг и вступил в один из партизанских отрядов, действовавших на территории Брестской области. После освобождения Белоруссии он как бывший военнопленный прошел проверку в спецлагере НКВД и в конце июля 1944 года был направлен в штурмовой батальон. Провоевав меньше месяца, он получил тяжелое ранение и надолго попал в госпиталь. С этого момента основным содержанием его жизни стали разоб-

лачение палачей, поиск бывших узников и переписка с ними, сбор и распространение информации о Собиборе. Он постоянно общался и переписывался с журналистами и энтузиастами, выступал в прессе и перед публикой, обращался в официальные инстанции с призывами увековечить подвиг собиборцев.

Этот путь оказался предсказуемо нелегким. Как ни странно, обобщающая работа, которая была бы посвящена советской политике памяти о Великой Отечественной войне и формированию пантеона героев, еще не написана. Но даже самых общих представлений о том, как менялось в СССР отношение к войне, к военнопленным, узникам нацистских лагерей, «еврейскому вопросу», геноциду евреев, достаточно, чтобы понять: послевоенная память о Собиборе теснейшим образом связана с эволюцией советского нарратива о войне.

За без малого полвека, разделяющие восстание в Собиборе и распад Советского Союза, подвиг собиборцев был активно «востребован» дважды: в 1944–1945 годах и в первой половине 1960-х годов, в период «оттепели». Все остальное время Собибор в коллективной памяти советских людей, по сути, отсутствовал.

Кроме того, едва ли не с самого начала обозначились две разные парадигмы восприятия истории Собибора. Для Печерского и его товарищей – советских военнопленных, ставших костяком восстания, события 14 октября были прежде всего эпизодом Второй мировой и Великой Отечественной войн, «битвой при Собиборе». Они осознавали себя красноармейцами, в силу драматических обстоятельств временно выбывшими из рядов действующей армии, но вступившими в бой с нацистами и одержавшими победу. Их основной интенцией было вернуться в РККА и продолжить сражаться. Для польских евреев, оставшихся после восстания на территории Польши и позже рассеявшихся практически по всему миру, все произошедшее было связано не столько с войной как таковой, сколько с Холокостом. Для них победить означало спастись, избежать гибели, обмануть ту почти совершенную машину уничтожения, которая на протяжении нескольких лет охотилась за ними и их близкими и от которой им в последний момент чудом удалось ускользнуть. Внешним маркером этой разницы подходов стало различное словоупотребление. В советской историографии и в воспоминаниях самого Печерского случившееся практически всегда описывалось как «восстание», тогда как в западных источниках закрепилось слово «побег».

Впрочем, бывших узников Собибора, где бы они ни жили – в Советском Союзе, Израиле, США, других странах – объединяло одно: их мало кто хотел слушать. О Собиборе выходили статьи, писались книги, даже снимались фильмы. Но все усилия сделать эту невероятную историю достоянием масс до поры до времени упирались в «стеклянный потолок», пробить который не удавалось ни Печерскому, ни западным энтузиастам.

Ситуация начала радикально меняться лишь в последние годы. Объединенными усилиями представителей гражданского общества, политиков, историков, писателей, людей из киноиндустрии Печерский постепенно вырастает в одну из центральных фигур истории Второй мировой войны. Приходит осознание масштаба подвига собиборцев – людей, которым удалось не просто совершить массовый побег и спастись от верной гибели, но и продемонстрировать, что ставка нацистов на уничтожение человеческой личности под давлением чудовищных обстоятельств не сработала. Восстание узников Собибора все полнее раскрывается в своем подлинном значении – как один из вечных символов несокрушимости человеческого духа. День восстания, 14 октября, постепенно превращается в сознании людей всего мира – как бы пафосно это ни звучало – в День победы над злом.

Глава 1

В конце января 1933 года Адольф Гитлер был утвержден рейхсканцлером Германии. Антисемитизм стал официальной политикой Рейха. Начался экономический бойкот евреев, один за другим принимались антиеврейские законы, постоянно ужесточавшиеся. В 1935 году на сессии рейхстага в Нюрнберге были приняты два т. н. нюрнбергских закона: Закон о гражданстве Рейха и Закон об охране германской крови и германской чести, лишавшие евреев права на немецкое гражданство и закрывавшие им доступ к государственной службе, а также запрещавшие браки между евреями и немцами и вводящие ряд других ограничений. В ноябре 1938-го по Германии прокатилась волна погромов, известная как Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин, почти сто евреев были убиты.

После вторжения Германии в Польшу (сентябрь 1939 года) в польских городах стали создаваться многочисленные гетто – закрытые кварталы, где сосредотачивалось еврейское население. Курс на «окончательное решение еврейского вопроса», то есть физическое уничтожение всех евреев, был взят, по-видимому, незадолго до нападения на СССР, следствием чего стало истребление целых общин в первые же месяцы Великой Отечественной войны. В январе 1942-го в Берлине прошла Ванзейская конференция, на которой была разработана программа «окончательного решения».

Но еще до этого, осенью 1941 года, нацисты приступили к выработке плана уничтожения евреев в т. н. Генерал-губернаторстве (так немцы называли часть Польши, оккупированную, но не аннексированную Рейхом). Ответственным за эту операцию был назначен Одило Глобочник, начальник СС и полиции Люблинского округа. Позже ее назовут «Акцией Рейнхард» – по имени Рейнхарда Гейндриха, одного из идеологов и ведущих исполнителей «окончательного решения», руководителя Главного управления имперской безопасности (РСХА), который был убит подпольщиками в Праге в середине 1942-го.

Тогда же, в 1941-м, началось строительство лагерей смерти, отличающихся, как понятно из названия, от «обычных» концентрационных лагерей тем, что их единственным назначением было быстрое массовое умерщвление привозимых туда людей. Все лагеря смерти были созданы на территории Польши – страны с самым большим на тот момент еврейским населением в Европе. Это Освенцим, или Аушвиц (точнее, один из трех лагерей, входивших в этот комплекс, – Освенцим-II, известный также как Освенцим-Биркенау), Хелмно, Треблинка (Треблинка-II), Белжец и Собибор. Последние три лагеря были построены специально для реализации плана «Акции Рейнхард». Некоторые историки причисляют к лагерям смерти также Майданек.

Собибор был построен весной 1942 года (чуть позже Белжеца, но раньше Треблинки-II) рядом с одноименным селом¹ и железнодорожной станцией, в малонаселенной лесистой местности. От ближайшего города Влодава до лагеря было около 10 километров, от Хелма – 40, от Люблина – 80. Первым комендантом Собибора стал Франц Штангль, но в сентябре 1942-го его перевели в Треблинку, а в Собибор прибыл Франц Рейхлейтнер².

¹ История села Собибор (Sobibór), известного в первые века существования как Szobyebyrg, а затем Sobieborz, насчитывает по меньшей мере шесть столетий. Первоначально принадлежавшее францисканцам из Бреста, позже село стало униатским, а с 1875 года, после ликвидации унии в Королевстве Польском, – православным. Основное население его издавна составляли украинцы. Местная легенда связывает происхождение топонима «Собибор» с совами и бором («лес, полный сов»), однако это, несомненно, типичный случай «народной этимологии». На самом деле название села восходит к славянскому имени собственному (см.: Górniewicz H. Rodowe nazwy miejscowe polskiej części dawnej Rusi Czerwonej. – In: «Poradnik Językowy». 1972. № 1 (295). S. 10). В 1945 году украинцев из Собибора и других сел Восточной Польши переселили в УССР, а на их место были перемещены этнические поляки, жившие за Бугом, то есть на территории, отошедшей перед войной к Советскому Союзу.

² Во время восстания Рейхлейтнера не было в Собиборе. После уничтожения лагеря его отправили в Италию, где он в самом начале 1944 года погиб от рук партизан.

Лагерь разделялся на три сектора. В первом находились мастерские (сапожная, портняжная, столярная) и два жилых барака – мужской и женский, в которых жило несколько сот (обычно 400–600) узников. Во втором секторе («чистилище») вновь прибывшие в Собибор раздевались и оставляли личные вещи. Затем они шли в третий сектор, где находились газовые камеры, замаскированные под бани. Первые партии депортированных были удушены газом в апреле – мае 1942 года. В лагере действовали сначала три, а с осени 1942-го шесть газовых камер. Угарный газ вырабатывался танковым двигателем, стоявшим в соседнем сарае.

Лагерь был окружен несколькими рядами проволочного ограждения и минным полем. Администрация Собибора состояла из 20–30 эсэсовцев. Охрана – из 120–150 бывших советских военнопленных, преимущественно украинского происхождения. На вышках дежурили пулеметчики. Секторы внутри лагеря также отделялись один от другого оградами с колючей проволокой. Назначение третьего сектора держалось в тайне от узников, работающих в других секторах, хотя, конечно, большинство из них знало обо всем, что там происходит.

В июле 1943-го Гиммлер приказал преобразовать Собибор в концлагерь и создать там предприятие для работы с трофейными боеприпасами и производства систем залпового огня. Однако начальник Главного административно-хозяйственного управления СС Освальд Поль заверил его, что создание такого предприятия не требует преобразования Собибора в концлагерь, и Гиммлер с ним согласился. Собибор остался лагерем смерти, но к нему начали пристраивать четвертый сектор, где должны были располагаться оружейная мастерская и военные склады.

Кроме польских евреев, в Собиборе уничтожали также евреев, прибывших из Германии, Австрии, из протектората Богемии и Моравии и из Словакии. В марте 1943 года начались депортации из Голландии (всего более 34 тысяч человек) и Франции. В сентябре в Собибор стали привозить узников гетто, расположенных на оккупированной советской территории (Минск, Лида, Вильнюс).

Александр Печерский попал в плен в октябре 1941 года под Вязьмой. Находился в лагере для военнопленных в Смоленске, после попытки побега был переведен в Борисов, а оттуда в Минск. Там он был идентифицирован как еврей, но тем не менее пробыл в минском трудовом лагере еще год до отправки в лагерь смерти. В Собибор Печерский прибыл 22 сентября 1943-го. В эшелоне вместе с ним ехало около двух тысяч человек, в том числе шестьсот советских военнопленных-евреев. Восемьдесят новоприбывших немцы отобрали для работы, остальные были уничтожены.

В Собиборе неоднократно предпринимались попытки побега. Однажды удалось бежать двум узникам, подрывшим землю под колючей проволокой. В другой раз бежали несколько человек, работавших в лесу³. Однако чаще все заканчивалось провалом. За несколько месяцев до прибытия в лагерь Печерского и его товарищей побег планировала группа заключенных во главе с евреем из Голландии (его точное имя неизвестно, по одним данным, он был морским офицером, по другим – журналистом). Однако их выдали, и несколько десятков человек были казнены. Известны случаи бунта депортированных сразу по прибытии на станцию или по дороге в газовые камеры, но эти спонтанные выступления легко подавлялись эсэсовцами и охранниками.

К моменту прибытия Печерского и его товарищей в лагере действовала подпольная группа во главе с сыном раввина, бывшим главой жулковского юденрата Леоном Фельдгендлером. Члены группы хорошо знали внутрилагерные порядки, однако практически ни у кого из них не было боевых навыков. Появление красноармейцев изменило ситуацию. Впервые среди узников Собибора оказалась сплоченная группа людей не просто воевавших, но «заряженных»

³ Об этом побеге см. рассказ Леи и Амиты Хиршей в материале Михаила Эдельштейна «Уйти из Собибора» – «Лехаим». 2018. № 3. С. 55.

на борьбу и победу. Печерский, младший офицер, служивший по хозяйственной части и не имевший ни малейшего опыта планирования военных операций, показал себя в экстремальных обстоятельствах незаурядным стратегом. Опираясь, с одной стороны, на своих союзников по Минску, которых он давно знал и которым доверял, с другой – на подпольщиков, ориентировавшихся в Собиборе, он придумал и реализовал план, оказавшийся успешным. Под предлогом примерки обуви и одежды, оставшейся от погибших узников, заключенные заманили в мастерские одного за другим нескольких эсэсовцев и зарубили их топорами (всего в ходе восстания погибло двенадцать эсэсовцев и минимум двое вахманов). После этого они совершили массовый побег, в котором приняли участие около 320 из 550 находившихся в лагере заключенных. На минах и от пуль охранников погибли 40 из них, добрались до леса 280. Многие были пойманы в ходе облав и казнены, другие – убиты в ближайшие дни и месяцы местными жителями, в массе своей враждебно настроенными по отношению к евреям. До конца войны дожило около 60 бежавших.

Печерский и несколько его товарищей перешли Западный Буг и вступили в партизанские отряды. После освобождения Белоруссии Печерский как бывший военнопленный был направлен сначала в фильтрационный лагерь НКВД, а затем в штурмовой батальон. В августе 1944 года он был тяжело ранен и несколько месяцев провел в госпиталях. После войны жил в Ростове-на-Дону. Печерский умер в 1990 году, в возрасте 80 лет.

Число погибших в Собиборе долгое время оценивалось в 250 тысяч человек. Однако в 2001 году британские историки Питер Витте и Стивен Тайес опубликовали расшифровку перехваченной английской разведкой радиogramмы Германа Хёфле – начальника штаба «Акции Рейнхард», непосредственно отвечавшего за депортации евреев⁴. Точнее, речь идет о двух идентичных радио-граммах, отправленных из Люблина 11 января 1943 года, – одна адресована Адольфу Эйхману в Берлин, вторая – Францу Гейму⁵ в Краков. В радиogramмах называется точное количество евреев, депортированных в лагерь смерти в течение 1942 года. Напротив Собибора стоит число 101 370⁶. На основании радиogramмы Хефле голландский историк Юлиус Шелвис скорректировал данные по этому лагерю и оценил общее количество убитых там в 170 тысяч⁷. Впрочем, его оппоненты, среди которых ведущий польский специалист по Собибору Марек Бем, считают эту цифру существенно заниженной. Они предполагают, что Хефле отчитывался об «успехах» «Акции Рейнхард» и в радиogramме учтены лишь польские евреи, отправленные в Собибор, а несколько десятков тысяч депортированных в лагерь из других стран Хефле проигнорировал⁸.

Традиционно Собибор считается самым секретным из нацистских лагерей смерти. Тем не менее польские подпольщики узнали о существовании лагеря в Собиборе почти сразу, и вскоре первые сведения о нем просочились на Запад.

С середины 1940 года в Варшавском гетто существовала подпольная группа, созданная историком Эммануэлем Рингельблумом специально для документирования судьбы польского еврейства. К сотрудникам этой группы, называвшейся «Онег Шабат», уже в конце мая – начале июня 1942 года стали поступать первые сведения о том, что около села Собибор нацисты построили новый лагерь смерти по образцу Белжеца. Официальный орган польского Мини-

⁴ В 1961-м Хефле был арестован австрийской полицией и в следующем году повесился в камере венской тюрьмы незадолго до намеченной даты начала суда.

⁵ Гейм служил заместителем начальника Службы безопасности (СД) и Полиции безопасности (СИПО) в Генерал-губернаторстве.

⁶ Witte P., Tyas S. A New Document on the Deportation and Murder of Jews during «Einsatz Reinhardt» 1942. – In: «Holocaust and Genocide Studies». Vol. 15, № 3. Winter 2001.

⁷ Schelvis J. Sobibor. A History of a Nazi Death Camp. Washington, 2007. P. 198–226. В Белжеце погибло около 434 тысяч человек, в Трешлине не менее 870 тысяч. Всего в трех лагерях смерти, где проходила «Акция Рейнхард», было убито около полутора миллионов евреев.

⁸ Bem M. Sobibor Extermination Camp 1942–1943. Amsterdam, 2015. P. 169–174.

стерства внутренних дел, выходившая в Лондоне на английском языке газета Polish Fortnightly Review, сообщала в номере от 1 июля 1942 года о ликвидации люблинского гетто, жители которого были «задушены газом, расстреляны из автоматов и даже заколоты штыками» в Собиборе и Майданеке. В августе 1942 года бундовский⁹ лидер Леон Файнер направил представителю Бунда при польском правительстве в изгнании (во время Второй мировой войны оно находилось в Лондоне) Шмуэлю Цигельбойму¹⁰ развернутый доклад о трагедии польского еврейства, где упомянул о массовых убийствах в Собиборе и других лагерях смерти¹¹.

В ноябре 1942-го курьер польского Сопротивления Ян Карский сообщил лондонскому польскому правительству о положении в Варшавском гетто. Среди прочего Карский рассказал о депортациях из Варшавы в «специальные лагеря в Треблинке, Белжеце и Собиборе»: «По прибытии туда так называемых поселенцев массово умерщвляют». Карский знал, о чем говорил, – в Польше он встречался с Файнером и с одним из сионистских лидеров, которые организовали ему «экскурсии» в Варшавское гетто и в транзитный лагерь-гетто в Избице Любельской. 10 декабря польский министр иностранных дел Эдвард Рачинский на основе доклада Карского и других свидетельств выпустил специальную ноту «Массовое уничтожение евреев в оккупированной немцами Польше», адресованную «правительствам объединенных наций». В ноте, в частности, описывались депортации варшавских евреев в три названные Карским лагеря смерти. В мае 1943-го текст Карского с упоминанием Собибора был зачитан по BBC. Карскому удалось встретиться с высшими должностными лицами Великобритании и США, включая президента Франклина Рузвельта. Однако особого результата эти встречи не принесли – визави Карского либо не хотели ему верить, либо оказались не готовы принимать изложенную им информацию как руководство к действию.

Начиная с осени 1942-го сообщения о депортации евреев в лагеря смерти, включая Собибор, регулярно передавались польским и польско-еврейским подпольем¹². Информацию об отправке в Собибор французских и голландских евреев распространяли печатные органы и доклады командования Армии Крайовой¹³.

Еще до восстания о лагере узнали и советские партизаны. В конце сентября партизанскому начальству поступили донесения от капитана отряда им. Г. К. Жукова Мигдара Абдуллаева¹⁴ и политрука отряда им. К. Е. Ворошилова Н. В. Эйберга. Кроме того, бывший охранник Собибора Иван Каракаш, в июле 1943 года перешедший к партизанам, нарисовал план лагеря. Полученные сведения были обобщены в докладной записке уполномоченного Брестского обкома КП(б) Белоруссии по руководству партизанским движением в южной зоне Брестской области Захара Поплавского от 7 октября 1943 года на имя уполномоченного ЦК КП (б) Б по Брестской области полковника Сергея Сикорского¹⁵. Поплавский сообщал о существова-

⁹ Бунд – еврейская социалистическая партия, действовавшая до 1921 года в России и на Украине, затем в Польше и США.

¹⁰ Цигельбойм покончил с собой 12 мая 1943 года, когда до Лондона дошли известия об окончательном подавлении восстания в Варшавском гетто и уничтожении последних евреев Варшавы. В его предсмертной записке говорилось, что он совершает самоубийство в знак протеста против равнодушия союзных держав к судьбе еврейских жителей Польши.

¹¹ Bartoszewski W., Lewin Z. (eds.). Righteous Among Nations: How Poles Helped the Jews, 1939–45. London: Earls Court Publications Ltd, 1969. P. 719.

¹² См., напр.: Zimmerman J. D. The Polish Underground and the Jews, 1939–1945. N.-Y.: Cambridge University Press, 2015. P. 153, 161.

¹³ Ibid. P. 192–193, 244.

¹⁴ Под этим именем скрывался еврей из Дербента Мугдаши Хизгилов (1912–1989), который в плену выдал себя за азербайджанца, вступил в сформированный немцами Азербайджанский легион, вел там подпольную работу, был разоблачен и брошен в тюрьму, откуда бежал и примкнул к партизанам. В 1944-м лишен свободы на 1 год 3 месяца, в 1958-м оправдан военным трибуналом Белорусского военного округа. См. о нем: Шнеер А. Плен: Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 524.

¹⁵ З. Ф. Поплавский (1898–1965) – участник Гражданской войны, деятель коммунистического подполья в Западной Белоруссии, много лет провел в польских тюрьмах. С. И. Сикорский (1907–1960) – полковник, Герой Советского Союза (1944), после войны занимал ряд партийных и государственных постов в Белоруссии.

нии в Собиборе «печи смерти», «в которой жгут людей», и сообщал другие подробности об устройстве лагеря и газовых камер. Неизвестно, был ли дан ход этой информации и ушла ли она «наверх»¹⁶.

Информация о восстании также сразу достигла польского подполья¹⁷ и Лондона. Уже 25 октября 1943 года левый сионистский активист Адольф Абрам Берман, представлявший Еврейский национальный комитет¹⁸, сообщал из Польши еврейскому представителю при польском правительстве в изгнании Игнацию Шварцбарту: «Остатки евреев уничтожили и подожгли два места уничтожения: Треблинку и Собибор»¹⁹.

Одно из донесений польского подполья о «кровавом бунте евреев в лагере смерти»²⁰ тогда же, осенью 1943-го, прочитал начальник штаба белорусского партизанского отряда Михаил Лев – до войны начинающий писатель, добровольцем ушедший на фронт и бежавший из лагеря для военнопленных. Известие о подвиге восставших узников потрясло Лева и во многом определило его жизнь. После войны он познакомился и подружился с Печерским, написал несколько книг о восстании и собрал огромный архив, материалы которого легли в основу настоящей работы и других трудов о Собиборе.

Но сколько-нибудь полная информация о Собиборе и остальных лагерях смерти появилась, разумеется, только после освобождения Польши от нацистов.

¹⁶ При чтении этих документов бросается в глаза относительная «будничность» их тона, особенно в сравнении с донесениями западных свидетелей Холокоста, а также тот факт, что партизаны сразу не испытывают ни малейших сомнений в правдивости описываемого. Это очень характерный момент, объясняемый в первую очередь кардинальной разницей в поведении нацистов на оккупированной территории СССР и в других европейских странах. Для белорусских партизан в 1943 году существование газовых камер было лишь еще одним штрихом в нескончаемой цепи преступлений гитлеровцев, тогда как европейцам (даже европейским евреям) сам факт существования лагерей смерти казался чем-то невероятным, исключительным. Эта разница восприятия во многом сохранилась и после войны вплоть до сего дня, объясняя многие несовпадения в советской (постсоветской, российской) и западной историографии Второй мировой.

¹⁷ Сообщения о восстании появились осенью 1943 года в следующих подпольных изданиях: «Informacja Bieżąca», 24 октября, 10 ноября; «Aneks», № 61, 30 ноября.

¹⁸ ЕНК, созданный в 1942 году в Варшавском гетто, объединил ряд еврейских организаций разного направления. Берман был одним из его руководителей и вообще одним из самых активных деятелей еврейского подполья в оккупированной Польше. После войны занимал просоветские позиции, но в 1950 году эмигрировал в Израиль, где стал депутатом Кнессета второго созыва. В 1954 году вступил в Коммунистическую партию Израиля, редактировал еженедельник «Фрай Исроэл» («Свободный Израиль», на идише), где в начале 1960-х годов вышли несколько материалов о восстании в Собиборе и Печерском.

¹⁹ Восстание в Треблинке вспыхнуло 2 августа 1943 года. Около 300 человек бежали из лагеря, однако почти все они вскоре были пойманы и казнены.

²⁰ Лев М. А. Длинные тени. М.: Советский писатель, 1989. С. 443. Там же на с. 444 см. заметку о восстании, помещенную в подпольной газете «Голос Варшавы», органе Польской рабочей партии, от 16 ноября 1943 г.

Глава 2

В конце июля – начале августа 1944 года в результате Люблин-Брестской операции войска 1-го Белорусского фронта РККА освободили Западную Белоруссию и Восточную Польшу. Среди освобожденных районов был и Люблинский округ, на территории которого располагались крупные концлагеря и лагеря смерти – кроме Собибора, также Белжец и Майданек. Вскоре в рапортах официальных лиц и в советской прессе появились первые свидетельства о происходившем в этих лагерях.

Сохранилось несколько донесений представителей армейских политорганов о Собиборе²¹. Заместитель начальника Главного политического управления (Главпура) РККА генерал-лейтенант Иосиф Шикин²² 23 августа 1944 года по указанию своего непосредственного руководителя Александра Щербакова²³ докладывает председателю ЧГК Николаю Швернику²⁴ о своей поездке ранее в том же месяце в район Собибора. Ссылаясь на беседы с местными жителями, железнодорожниками и работниками лесничества, Шикин описывает работу конвейера смерти, разрушенного после восстания. «Достаточно слегка вскопать землю, чтобы обнаружить следы дикого преступления. На этом месте можно найти много костей, пепла, остатки одежды, обувь и разную домашнюю утварь», – рапортует он и просит адресата направить в этот район представителя ЧГК.

Сразу после освобождения Люблина, 27 июля, в газете 47-й армии 1-го Белорусского фронта «Фронтовик» под рубрикой «Не забудем! Не простим!» появился «Акт о зверствах немцев на станции Собибур²⁵» за подписями семи местных жителей. «Акт...» был не лишен неточностей, например, восстание составители датировали июнем 1943 года – тем не менее, это было первое упоминание о нем в советской печати.

Первое упоминание о Собиборе в центральной прессе – пол-абзаца в очерке Василия Гроссмана «В городах и селах Польши» («Красная звезда», 1944, 6 августа). Автор ссылается на некоего поляка, который долго пробыл «на окопах» с «человеком, бежавшим с сабибурской фабрики смерти».

Видимо, поэтому история собиборского восстания в тексте Гроссмана причудливо трансформировалась: «Рассказал этот поляк и о том, что обреченные, безоружные, голые люди почти ежедневно на пороге фабрики вступали в борьбу с конвоем и гибли смертью бойцов».

²¹ См.: Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии / Сост. Ф. Д. Свердлов. М., 1996. С. 91; Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11289. Д. 661. Л. 303–308. Среди хранящихся в ЦАМО документов – донесение временно исполняющего должность начальника политотдела войск НКВД 1-го Белорусского фронта подполковника Семена Вольского от 19 августа 1944 г. с уникальными фотографиями лагеря.

²² И. В. Шикин (1906–1973) – генерал-полковник (1945), начальник Главпура (1945–1949), впоследствии на дипломатической, партийной, государственной работе.

²³ А. С. Щербаков (1901–1945) – генерал-полковник (1943), начальник Главпура и Совинформбюро, первый секретарь Московского обкома ВКП (б), кандидат в члены Политбюро, входил в ближний круг И. В. Сталина. Умер в ночь с 9 на 10 мая 1945 года от инфаркта. По мнению современного историка, «наиболее ярый противник «выпячивания» еврейской темы в пропаганде» (Костырченко Г. Н. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003. С. 227).

²⁴ Н. М. Шверник (1888–1970) – председатель Президиума Верховного Совета РСФСР (1944–1946), председатель Президиума Верховного Совета СССР (1946–1953), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1939–1952). ЧГК (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР) была создана в ноябре 1942 года, собранные ей документы стали одним из важнейших доказательств обвинения на Нюрнбергском процессе. В Комиссию входили партийный деятель А. А. Жданов, писатель А. Н. Толстой, историк Е. В. Тарле, митрополит Николай (Ярушевич), ряд ученых и др.

²⁵ В первых русскоязычных публикациях обычно используется написание Сабибур или Собибур, что более точно соответствует польскому произношению топонима Sobibór. Однако в позднейшей традиции утвердилось название Собибор (с ударением на последнем слове – в отличие от традиционного польского на предпоследнем).

Ключевой для памяти о Собиборе в Советском Союзе текст впервые был напечатан в газете 6-й Воздушной армии «Сокол родины» в двух номерах за 16 и 19 августа 1944 года. Он назывался «Фабрика смерти в Собибуре» и был подписан С. Красильщиком и Р. Александровым.

2 сентября эту статью в несколько измененном виде перепечатали газета 1-го Белорусского фронта «Красная армия» и, главное, «Комсомольская правда». Здесь второй автор обозначен уже своими настоящими инициалом и фамилией – А. Рутман²⁶. Материал Рутмана и Красильщика был основан на беседах с двумя выжившими узниками, встреченными ими в польском Хелме, – Бером Фрайбергом и Хаимом Поврозником²⁷. Именно из слов последнего советский читатель впервые узнал об организаторе и руководителе восстания в Собиборе – «Сашко» из Ростова²⁸.

Фамилию его Поврозник не знал или не помнил. Кроме того, он называет «Сашко» политруком, хотя Печерский в это время даже не был членом ВКП(б). По всей видимости, это прозвище Печерский заслужил теми «политинформациями», которые он проводил в лагере и которые описывает в своих воспоминаниях. Возможно, хотя и не очень вероятно, какую-то роль в этой путанице сыграл тот факт, что реальное воинское звание Печерского – техник-интендант 2-го ранга – соответствовало званию младшего политрука. На самом деле неразбериха со званием Печерского продолжалась и позже и в каком-то смысле продолжается по сей день. Постановлением ГКО СССР № 1494 от 26 марта 1942 года «О введении интендантских званий» техники-интенданты 2-го ранга переименовывались в лейтенантов интендантской службы. Но Печерский в это время находился в плену, так что новое звание присвоено ему не было. В документах конца войны и даже послевоенных он по-прежнему проходит как техник-интендант 2-го ранга²⁹, хотя такого звания в то время уже не существовало. Но какие-либо аргументы в пользу версии Михаила Лева, что Печерский «до конца жизни по документам <...> был рядовым»³⁰, нам не известны.

Вернемся, однако, в 1944 год. «Комсомольскую правду» принесла Печерскому со словами «Это о вас» заведующая продовольственным отделом коломенского госпиталя, где он находился после ранения, Ольга Ивановна Котова³¹. Вскоре она выйдет за него замуж.

К моменту знакомства со статьей Рутмана и Красильщика у Печерского уже была готовая рукопись о пережитом – он создал ее в июне 1944 года, находясь в 29-м отдельном полку резерва офицерского состава при 1-м Белорусском фронте, расквартированном в городе Овруч Житомирской области³². По-видимому, под влиянием газетной публикации Печерский решил выступить со своим свидетельством публично. Дополнительным толчком стало появление в печати («Красная звезда», «Известия», другие газеты от 16 сентября) подробного Коммюнике Польско-советской чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения Майданеке в городе Люблин. Именно эту публикацию, где в ряду других лагерей смерти на территории Польши перечислялся и Собибор, упоми-

²⁶ Рутман Александр Исаакович, майор (1910–1958) – журналист, редактор «Сокола родины»; Красильщик Семен Иосифович, старший лейтенант (1917–1997) – журналист, впоследствии составитель ряда антологий военной публицистики, прозы, поэзии, мемуаров, общался и переписывался с Печерским и другими участниками восстания в Собиборе.

²⁷ В первоначальном варианте, опубликованном в «Соколе Родины», есть еще рассказ третьей узницы – Зельмы Вайнберг.

²⁸ Материал Красильщика и Рутмана лег в основу некоторых публикаций в иностранной прессе, например статьи «Фабрика пуговиц» в номере от 15 сентября 1944 года ивритоязычной газеты «Давар», выходившей в подмандатной Палестине. «Фабрикой пуговиц» называли Собибор немцы, дабы скрыть истинное предназначение этого «предприятия» от местного населения.

²⁹ См., например, наградной лист Печерского от 19 мая 1949 года (тогда Печерскому вручили медаль «За боевые заслуги») – ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744809. Ед. хр. 97. Запись № 83439133.

³⁰ См.: Симкин Л. С. Полтора часа возмездия. М.: Зебра Е, 2013. С. 176.

³¹ Лев М. А. Длинные тени. М.: Советский писатель, 1989. С. 439–440.

³² Опубликована в кн.: Макарова Ю. Б., Могилевский К. И., Эдельштейн М. Ю. Собибор: хроника восстания в лагере смерти. М.: Изд-во «Э», 2018.

нает Печерский в отправленном 20 сентября секретарю Совета народных комиссаров СССР³³ письме с предложением приехать в Москву для дачи показаний – «если данный вопрос может интересовать наше Правительство» – и просьбой переслать его письмо «по назначению»³⁴.

Получил ли Печерский какой-то ответ, мы не знаем. Однако спустя месяц, 23 октября, он направляет Швернику развернутые письменные показания о своем пребывании в лагере и о восстании³⁵. Здесь он детально рассказывает о структуре лагеря, перечисляет участников восстания и убитых эсэсовцев. В этом же письме он ссылается в качестве доказательства своей роли в «организации восстания и побега» на «показания, каковые имеются» у Ильи Эренбурга. Речь идет о свидетельствах Фрайберга, Поврозника и Вайнберг, которые Эренбург и Гроссман включили во второй том сборника «Народоубийцы», вышедшего в Москве на идише в 1945 году.

По выходе из госпиталя Печерский посылает в «Комсомольскую правду» рассказ о Собиборе и восстании, где раскрывает тайну «Сашко»: «Сашко – это я». Материал, подписанный «Лейтенант А. Печерский. Действующая армия» и в большинстве подробностей повторяющий письмо Швернику, вышел 31 января 1945 года. Слова про действующую армию являются некоторым преувеличением, скорее всего, редакционного происхождения. В начале февраля Печерский возвращается в Ростов и несколько месяцев до увольнения в запас служит завделопроизводством штаба 199 рабочего батальона.

Наконец, весной 1945 года, еще до окончания войны, в Ростовском областном книгоиздательстве (Ростиздат) пятитысячным тиражом вышла небольшая (64 страницы карманного формата) книжка Печерского «Восстание в Собибуровском лагере». Она построена как дневник, хотя дневника в полном смысле слова он никогда не вел. Автор поясняет, что «в первые дни лагерной жизни украдкой <...> делал очень короткие записи, в которых намеренно неразборчивым почерком отмечал главнейшие факты из пережитого». Эти записи в расшифрованном и существенно дополненном виде и вошли в книгу.

Одной из главных героинь книги стала Люка – дочь гамбургского коммуниста, после прихода Гитлера к власти бежавшего вместе с семьей в Голландию. Печерский познакомился с ней в лагере, потерял в суматохе побега и разыскивал до конца жизни. Ни ее дальнейшая судьба, ни настоящие имя и фамилия неизвестны до сих пор³⁶.

Книга, выпущенная Ростиздатом, во многом отличается от «овручской рукописи». В рукописи повествование ведется от третьего лица, а в книге от первого, рукопись больше по объему, беллетристичнее, в ней есть полухудожественные куски (описание гибели людей в газовой камере, видения, преследующие Сашку – так зовут героя, – когда он представляет себе оставленную в Ростове дочь, пытающуюся спастись от нацистов, и т. п.), не вошедшие в книжную версию.

Несмотря на отдельные фактические неточности, скорректированные позднейшими исследователями, и брошюра, и «овручская рукопись» Печерского сохраняют значение уникального первоисточника по истории Собибора и особенно по истории собиборского восстания. В дальнейшем Печерский будет неоднократно возвращаться к мемуарам, то расширяя их,

³³ На самом деле должность секретаря СНК была упразднена еще в 1930 году. Впоследствии секретарские обязанности исполнял управляющий делами (в 1940–1946 годах – Я. Е. Чадаев).

³⁴ ГАРФ, л. 153–154.

³⁵ Там же, л. 157–159 об. При сопоставлении этого документа с предыдущим бросается в глаза одна странность, объяснения которой у нас нет. В письме от 20 сентября Печерский «со слов старых лагерников» сообщает о 500 тысячах убитых в Собиборе за все время его существования, а в письме Швернику, ссылаясь на те же свидетельства, говорит уже о двух миллионах погибших. В книге 1945 года он, со ссылкой на своего сокамерника Леона Фельдгендлера, вернется к версии о полу-миллионе уничтоженных в Собиборе.

³⁶ Предпринятая Ю. Шелвисом попытка идентифицировать Люку с узницей Собибора Гертрудой Поперт не кажется нам достаточно убедительной (см.: *Schelvis J. Sobibor: a history of a Nazi death camp*. Oxford: Berg Publishers, 2007.; *Симкин Л. С.* Цит. соч. С. 124–128, 247–250).

то сокращая, то добавляя беллетристический элемент, то, напротив, превращая в сухое документальное повествование. Однако фактическая сторона и предыдущей, и всех последующих версий мало отличается от описанного в книге, выпущенной Ростиздатом.

После публикаций о Собиборе к этой истории возвращается Гроссман. Причем если в журнальной редакции очерка «Треблинский ад» («Знамя», 1944, № 11) он еще упоминает «политрука Сашко» из Ростова, то в книжном издании, вышедшем годом позже, уже называет фамилию Печерского (впрочем, тот по-прежнему остается «политруком»).

Интересно, что Гроссман в «Красной звезде» прямо говорит о «массовом механизированном убийстве польских евреев», которое «совершалось в течение нескольких лет», Шикин без обиняков называет Собибор «местом массового истребления евреев»³⁷.

Составители коммюнике Польско-советской чрезвычайной комиссии тоже неоднократно упоминают евреев, хотя и маскируя их всякий раз помещением в конец длинной перечислительной конструкции³⁸. В статье Рутмана и Красильщика слово «еврей» не встречается, авторы говорят о «фабриках массового истребления людей», гибели «миллионов людей всех стран Европы».

В «овручской рукописи» еврейская тема занимает не главное, но вполне заметное место³⁹. Однако в письме Швернику Печерский избегает этого слова, называя погибших в газовых камерах «мирным населением Европы», а одного из участников восстания, Хаима Энгеля, – «поляком из Лодзи» Генрихом Энгелем⁴⁰. В книге 1945 года он точно так же переименовывает своего соллагерника Леона Фельдгендлера, первоначально известного ему под конспиративным именем Борух, в Бориса (впрочем, скажем, друг и соратник Печерского Шлэйма Лейтман назван здесь своими именем и фамилией). О евреях речь заходит лишь в идишском варианте книги Печерского, вышедшем в 1946 году в московском издательстве «Дер Эмес». Что это: собственное неоднозначное отношение к проблеме, понимание правил игры, вектора развития ситуации, сугубая осторожность человека, прошедшего плен, лагерь смерти, спецлагерь НКВД и штурмбат, вмешательство цензуры? Вряд ли кто-то способен точно ответить на этот вопрос...

После выхода книги Печерский начинает получать письма от читателей. Самое интересное из найденных на сегодняшний день написано Виталием Рубиным, только что вернувшимся с войны студентом исторического факультета МГУ. Он очень точно почувствовал и сформу-

³⁷ Ситуация менялась стремительно. Полугодом позже тот же Шикин докладывал начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александрову о преступлениях нацистов в Освенциме – и в этом документе слово «еврей» уже отсутствует (Полян П. М. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М.: Росспэн, 2010. С. 337).

³⁸ «Гитлеровское преступное правительство организовало в этих лагерях систему массового истребления неудобных ему групп населения и в первую очередь интеллигенции оккупированных стран Европы, советских и польских военнопленных и евреев»; «Список уничтоженных людей, заключенных в лагере, постоянно пополнялся за счет советских военнопленных, за счет различных групп населения, привезенного из оккупированных стран Европы, за счет лиц различных групп населения, захваченного гестапо на улицах, вокзалах, в домах при систематических облавах и обысках, постоянно проводившихся гитлеровцами в Польше и в других странах Европы, а также за счет евреев, привозимых из созданных гестапо в Польше и различных городах Западной Европы гетто».

³⁹ Впрочем, и там Печерский – и едва ли по цензурным условиям – подчеркивает прежде всего свою советскую идентичность. Вот характерный диалог, происходящий у него с одним из лагерников сразу после прибытия в Собибор. «– Вы откуда сами будете? – спросил у Саши по-еврейски, подсевши сбоку, полный мужчина лет сорока. – Я не понимаю, – ответил Саша. Незнакомец повторил вопрос по-польски. – Он не понимает ни по-польски, ни по-еврейски, – вмешавшаяся в разговор, сказал Шлэйма. – Как не понимает? – удивился незнакомец. – Ведь он еврей! Шлэйма перевел Саше. – Скажи ему, Шлэйма, – сказал Саша, – что я не знаю еврейский язык не потому, что я чуждался его или хотел скрыть свое происхождение. У нас в Советском Союзе этого не нужно было. Мы не знали разницы между евреем, русским, узбеком, татаринном, у нас просто – люди жили. Для всех у нас существовало одно имя – это человек. Этого было достаточно, чтобы ты жил, как жило стодевяностотрехмиллионное советское население. В условиях моей работы, моей жизни, жена у меня русская, мне не приходилось разговаривать по-еврейски, поэтому я его и не знаю. Пусть он не думает, что я чуждался или чуждаюсь своего родного языка!»

⁴⁰ Не исключено, что здесь Печерский ориентируется на очерк Рутмана и Красильщика, где Энгель также назван Генрихом. «Генрих Энгель» фигурирует и в последующих публикациях Печерского, в том числе в книге 1945 года.

лировал смысл не только брошюры Печерского, но и всей истории собиборского восстания: «Ваша книжка, в противоположность большинству описаний немецких лагерей смерти, не производит тягостного впечатления. Не то чтобы преступления, творимые немцами в Собибуре, были меньше, чем в других местах, не то чтобы картина этих преступлений не внушала ужаса и не давила как кошмар. Но, прочитав Вашу книжку, прежде всего я испытал чувство гордости и радости за то, что такой человек, как Вы, – мой соотечественник. Глубоко волнующее, возвышающее зрелище – герой, борющийся за спасение своих товарищей, преодолевающий все трудности и одерживающий победу. <...> Ведь здесь победа человеческого достоинства над озверением!»⁴¹.

Выше уже говорилось о письме Антокольского в Ростиздат с рекомендацией опубликовать воспоминания Печерского. Имя поэта возникло в этой истории не случайно. Со слов М. Лева известен такой эпизод: в конце июля 1944 года, во время формирования в Подмоскowie 15-го отдельного штурмового стрелкового батальона, куда был зачислен Печерский, произошла его беседа с командиром батальона майором Андреевым. Комбат был так потрясен услышанным о лагере и восстании, что на свой страх и риск отправил Печерского в Москву, рекомендовав обратиться в ЧГК к Алексею Толстому. Однако вместо Толстого руководителя собиборского восстания выслушали Вениамин Каверин и Павел Антокольский.

Так ли обстояло дело в реальности? Сама по себе встреча Печерского с Кавериним и Антокольским сомнения не вызывает. Не исключено, однако, что она имела место не летом 1944 года, а в начале 1945-го, по выходе Печерского из госпиталя. Напомним, что в сентябре 1944-го, стремясь рассказать официальным лицам свою историю, он пишет мифическому «секретарю СНК СССР», явно не подозревая ни о какой ЧГК. А месяцем позже, обращаясь к Швернику, не упоминает в письме о предыдущих контактах с членами комиссии и лишь выражает готовность дать при необходимости более развернутые показания.

Более вероятно, на наш взгляд, другая последовательность событий: после госпиталя Печерский приезжает в Москву, общается с Кавериним и Антокольским и показывает им созданную в Овруче рукопись, результатом чего становится письмо последнего в Ростиздат. На основе этой рукописи и беседы с Печерским, а также показаний Фрайберга, Вайнберг и Поврозника Антокольский и Каверин пишут очерк «Восстание в Собибуре», который появляется в апрельской книжке «Знамени» за 1945 год. Заметим, что если встреча Печерского с писателями действительно состоялась летом 1944-го, то труднообъясним многомесячный интервал между ней и последующей публикацией остроактуального материала.

Так или иначе, очерк о Собиборе вышел в «Знамени» и должен был появиться на страницах знаменитой «Черной книги», задуманной Гроссманом и Эренбургом как сборник документов и свидетельств о гитлеровском геноциде советского и польского еврейства⁴². Однако 3 февраля 1947 года заведующий Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Георгий Александров направляет секретарю и члену Политбюро ЦК ВКП(б) Андрею Жданову докладную записку, где обосновывает нецелесообразность издания «Черной книги»: «Чтение этой книги <...> создает ложное представление об истинном характере фашизма и его организаций <...> У читателя невольно создается впечатление, что немцы воевали против СССР только с целью уничтожения евреев. По отношению же к русским, украинцам, белорусам, литовцам, латышам и другим национальностям Советского Союза немцы якобы относились снисходи-

⁴¹ Интересна дальнейшая судьба Виталия Рубина (1923–1981). Он стал крупным специалистом по истории Древнего Китая, а затем – одним из лидеров движения советских евреев за репатриацию, членом первого состава Московской Хельсинкской группы. В 1976 году эмигрировал в Израиль. Любопытно, что упоминаемая Рубиним в письме Фира (Эсфирь) Шифман (1922–1997), передающая Печерскому свое восхищение его «благородством и мужеством», – жена крупнейшего медиевиста Арона Гуревича.

⁴² «Восстание в Собибуре» – единственный вклад в «Черную книгу» и для Антокольского, и для Каверина.

тельно»⁴³. В итоге «Черная книга» была запрещена к изданию, материалы к ней изъяты, а почти готовый набор рассыпан. Впервые она вышла в Израиле в 1980 году. Затем последовали издания на Украине (1991 г.), в Литве (1993 г.), в России (2015 г.).

24 ноября 1945 года статья о Печерском выходит в органе Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) – идишской газете «Эйникайт». Ее автор – Рахиль Ковнатор, советский литератор, известная среди прочего тем, что 18 октября 1917 года она присутствовала на собрании партийного актива в Смольном при обсуждении вопроса о вооруженном восстании. В феврале 1946-го Собибор коротко упоминался в выступлении помощника главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Льва Смирнова⁴⁴. В 1948 году в чудом вышедший сборник «Партизанская дружба: воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны» вошел рассказ руководителя Черниговско-Волынского партизанского соединения Алексея Федорова о том, как под его началом сражались двое бывших узников Собибора – Ефим Литвиновский и Цадик Левин.

За следующие десять с лишним лет в советской печати, насколько нам известно, не появилось ни одного упоминания о восстании узников лагеря смерти Собибор.

В Польше после войны историю Собибора изучали Центральная еврейская историческая комиссия и – в первую очередь – Центральная комиссия по расследованию немецких преступлений в Польше. В 1947 году в очерке судьи из города Седльце и одного из самых известных польских исследователей Холокоста и лагерей смерти Зджислава Лукашкевича общее число погибших в Собиборе было впервые оценено в 250 тысяч человек⁴⁵. Эта цифра до сих пор принимается большинством историков. В 1945 году в сборнике документов по истории оккупации был напечатан небольшой мемуарный фрагмент бывшей узницы Собибора Саломеи Ханел⁴⁶. Годом позже в другом сборнике вышли еще два свидетельства людей, бежавших из Собибора: руководителя лагерного подполья Леона Фельдгендлера и Зельды Мец⁴⁷. В 1952 году в бюллетене варшавского Еврейского исторического института (№ 1/2) был напечатан польский перевод брошюры Печерского. Однако восстание в лагере на том этапе не привлекало специального внимания исследователей.

В конце 1940-х начались суды над эсэсовцами и вахманами из Собибора. В Германии в 1949 году был арестован и в следующем году приговорен к пожизненному заключению Губерт Гомерски, обершарфюрер СС, отвечавший за работу третьего сектора, т. е. газовых камер. В 1972-м он был освобожден по состоянию здоровья (умер в 1999 году в возрасте 88 лет). Вместе с Гомерски судили унтершарфюрера Иоганна Клиера, заведовавшего собиборской пекарней. Он был оправдан благодаря показаниям Иегуды Лернера и Эстер Рааб, сообщивших, что Клиер относился к узникам гуманнее, чем остальные эсэсовцы, и иногда передавал им дополнительную порцию хлеба.

В том же 1950 году судили обершарфюрера Эриха Бауэра, «газмейстера Собибора», как он себя называл, лично включавшего двигатель во время газаций. Годом ранее бывшие узники Собибора Самуил Лерер и Эстер Рааб опознали Бауэра, когда он с детьми катался на колесе

⁴³ Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948: Документированная история. М.: Международные отношения, 1996. С. 281.

⁴⁴ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1991. С. 169. Бывший узник Собибора, чешский еврей Курт Тихо, описал все происходившее в лагере в письме от 7 марта 1946 года, адресованном представителю Чехословакии в трибунале генералу Богумилу Эчеру, однако ход письму не был дан. Не имеет никакого документального подтверждения широко разошедшаяся по прессе и специальной литературе информация о том, что советские власти запретили Печерскому участвовать в процессе, куда он якобы был приглашен в качестве свидетеля.

⁴⁵ Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Niemieckich w Polsce. 1947. Vol. 3, III. P. 49–58; German Crimes in Poland. Vol. II. Warsaw, 1947. P. 99–104. Для нашей темы важно, однако, что в центре интересов Лукашкевича находились прежде всего Треблінка и Майданек.

⁴⁶ Dokumenty zbrodni i męczeństwa. Kraków, 1945. P. 63–66.

⁴⁷ Dokumenty i materiały z czasów okupacji niemieckiej w Polsce. T. 1. Łódź, 1946.

обозрения в берлинском парке аттракционов. Бауэр был приговорен к смертной казни, которую через некоторое время заменили пожизненным заключением. Он умер в тюрьме в 1980 году.

Первый в СССР суд над вахманом из Собибора состоялся в 1949 году – судили Ивана Козловского. Он служил в Белжеце, затем, с декабря 1942 года, четыре месяца пробыл в Собиборе, а оттуда был направлен в Освенцим. Козловский был приговорен к 25 годам заключения и весь остаток жизни провел на руднике в Казахстане⁴⁸.

⁴⁸ Тимченко С. От колхозника до палача. – «Независимое военное обозрение» (прил. к «Независимой газете»). 2006. № 20.

Глава 3

После смерти Сталина в 1953 году стремительно сворачивается антисемитская кампания. Начинается «оттепель», один из знаков которой – резкое расширение границ дозволенного в разговоре о минувшей войне. Подтверждением необратимости этого процесса становится постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». В 1956–1957 годах «Правда» в двух номерах печатает рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека», в том же 1957-м выходит первым изданием книга Сергея Смирнова «Брестская крепость». Весь этот комплекс официальных документов и художественных произведений знаменует разворот в отношении государства к бывшим военнопленным, узникам нацистских лагерей, за которыми теперь признается «право на героизм».

Это не могло не сказаться на самоощущении Печерского. С конца 1950-х он возвращается к активной деятельности и в 1958 году передает или посылает Василию Гроссману новый вариант воспоминаний, отложившийся в архиве писателя. В том же 1958-м в Праге на чешском языке вышла книга «Ночь и туман» бывших узников Освенцима Эриха Кулки (1911–1995) и Оты Крауса (1921–2000), где несколько страниц посвящены Собибору. Но об этом Печерский узнает чуть позже.

В 1959-м он начинает переписываться с Бернардом Марком, директором варшавского Еврейского исторического института⁴⁹, где к этому времени была небольшая экспозиция о восстании (в № 1/3 за 1952 год в издаваемом институтом «Бюллетене» были напечатаны воспоминания Печерского о пребывании в Собиборе). А летом 1960 года в издающейся в Польше на идише газете «Folks-Sztyme» появляется... некролог Печерскому, написанный рижским журналистом Ионей Родиновым. 31 августа та же газета помещает опровержение. Тогда же, 30 августа 1960 года, по-видимому, удостоверившись в том, что Печерский жив, Родинов обращается к Илье Эренбургу с просьбой «возбудить ходатайство» о награждении организатора восстания в Собиборе каким-либо орденом⁵⁰. О реакции Эренбурга на это письмо ничего не известно.

В 1959 году в двух номерах газеты «Падомью Даугава» (1 марта, 18 октября) печатаются отрывки из драмы «Последний звон» даугавпилсского писателя и историка-краеведа, ветерана войны Залмана Якуба (1919–2009). Действие драмы происходит осенью 1943 года в неназванном концлагере в Польше, за которым, однако, безошибочно угадывается Собибор. В лагере готовится восстание заключенных, узницу, убивающую начальника лагеря, зовут Люка. Печерский выведен под именем Валерий, кроме него среди действующих лиц пьесы Шулаев (то есть Шубаев), Борис (Цибульский), Лейтман и др.

⁴⁹ *Бернард (Берл) Марк* (1908–1966) – историк, журналист. Член Польской компартии с 1928 года. Годы Второй мировой войны провел в Советском Союзе, сотрудничал с ЕАК. В 1946 году вернулся в Польшу. С 1949-го и до смерти возглавлял Еврейский исторический институт, созданный двумя годами ранее (с 2009 года носит имя польско-еврейского историка и подпольщика-антифашиста Эммануэля Рингельблюма). Б. Марку принадлежит двухтомное исследование истории социальных движений в Польше, вышедшее на идише в 1938–1939 годах, он автор ряда работ по истории еврейской и польской литератур, биографий Шолом-Алейхема, А. Мицкевича, В. Гюго и др. Известен в первую очередь трудами о Холокосте, ввел в научный оборот большое количество документальных свидетельств, связанных с Катастрофой европейского еврейства. В 1963 году Управление пропаганды ЦК КПСС запретило издание на русском языке его книги о восстании в Варшавском гетто (см.: Чарный С. Советский государственный антисемитизм в цензуре начала 60-х годов (на примере судьбы книги Б. Марка «Восстание в Варшавском гетто»). – «Вестник Еврейского университета в Москве». 1997. № 2 (15). Периодическое издание «Бюллетень Еврейского исторического института» выходило с 1950 по 2000 год. Б. Марк был его редактором в 1949–1966 годах. С 2000 года институтом издается «Ежеквартальник еврейской истории». Переписка Марка с Печерским частично опубликована: После Собибора / Публ. Ф. Колодной, предисл. и прим. М. Майкова. – «Лехаим». 2013. № 11.

⁵⁰ Советские евреи пишут Илье Эренбургу: 1943–1966 / Под ред. М. Альтшулера, И. Арада, Ш. Краковского. Иерусалим, 1993.

Периодом наибольшего прижизненного признания Печерского становится первая половина 1960-х годов. Ростовская газета «Комсомолец» 18 сентября 1960 года поместила статью «Конец Собибура» журналиста и краеведа Бориса Агуренко (1934–2003). Так же называется материал, вышедший полтора года спустя, 12 января 1962 года, в «Комсомольской правде». На этой публикации, подписанной «Л. Друзенко, В. Томин», стоит остановиться подробнее.

Один из ее авторов, Уальд Романович Тальмант, сыграл исключительную роль в популяризации в Советском Союзе подвига Печерского и истории собиборского восстания. Тальмант работал научным сотрудником Государственного музея революции СССР, специализировался на истории антифашистского сопротивления, в том числе в нацистских лагерях, и иногда выступал в печати под псевдонимом Валентин Томин. Первое письмо от него Печерскому датировано 1 февраля 1961 года.

После статьи в «Комсомольце» о Печерском узнали его земляки-ростовчане. После публикации в «Комсомольской правде» – вся страна. Свидетельство тому – многочисленные письма, сохранившиеся в архиве Печерского. Большинство из них – от школьников.

Первое письмо такого рода, от шестиклассников школы № 3 города Батайска Ростовской области, Печерский получил еще после очерка Агуренко. Но теперь ему пишут и из-за пределов родного региона – из Самары, из Москвы. Восьмиклассники Тацинского санаторного детского дома, воспитанники школы-интерната № 1 Новочеркасска, ученики 76-й ростовской школы... Четвероклассники школы № 11 Мончегорска Мурманской области просят: «Напишите, как у Вас идут дела дома, на заводе. Какая в Ростове-на-Дону погода. Напишите, сколько у Вас членов семьи, а если можно, то фото семьи». А учащиеся ростовской средней школы № 8 принимают Печерского в почетные пионеры⁵¹.

Намного важнее, конечно, было другое: на статью Друзенко и Томина откликнулся Семен Розенфельд – участник лагерного восстания, живший в городе Гайворон Кировоградской области и ничего не знавший о судьбе Печерского после октября 1943-го. Вскоре Печерский приехал к нему в Гайворон. Вместе они выступали в местном клубе, встречались с учениками городских школ и слушателями училища механизации сельского хозяйства⁵².

Томин помог найти и еще одного участника восстания, Ефима Литвиновского, жившего в Куйбышеве. Приезд к нему Печерского стал «информационным поводом» для появления в газете Приволжского военного округа «За родину» (1963, 28, 30 августа) статьи А. Вятского «Через двадцать лет...», словно бы сконцентрировавшей всю советскую военную мифологию и все легенды, сопровождавшие историю Собибора и Печерского. Автор старательно избегает слова «еврей»: «В Собибур свозили людей, неугодных третьему «рейху», из Франции, Голландии, Норвегии, Австрии и Германии. С восточного фронта везли сюда военнопленных». Столь же старательно он романтизирует и героизирует историю попадания Печерского в плен: «Немцы выловили Александра из озера, через которое он плыл, поддерживая раненого полкового комиссара»⁵³. В сходном духе описывается пленение Литвиновского и других товарищей Печерского. Вятский добавляет Печерскому лишнюю попытку побега из лагеря для военнопленных, демонстрирует интернационализм, расходящийся, увы, с исторической действительностью («Спаслись преимущественно те участники восстания, которые доверились польским крестьянам»), повышает своего героя в чине, называя его капитаном запаса и т. д.

Серию публикаций Тальманта о Собиборе продолжили немецкоязычный очерк *Aufstand in Sobibor*, помещенный в журнале *Der Widerstandskämpfer Zeitschrift* (1962, № 1), и статья «Восстание в лагере смерти» в газете Северной группы войск «Знамя победы» (1962, 3 февраля). По условиям времени разрешение сказать – в скобках – частичную правду покупается

⁵¹ Сорокин Ю. «Красные следопыты» продолжают поиск... – «Вечерний Ростов». 1962. 2 февр.

⁵² Ейдлин С. Цюго не можно забути. – «Ленинец». 1962. 30 окт.

⁵³ О реальных обстоятельствах пленения Печерского см. в его письме Томину – Симкин. Цит. соч. С. 37.

прямой неправдой: «Этот лагерь был создан гитлеровцами для уничтожения людей различных национальностей (главным образом евреев)». Вскоре в «Знамени победы» появляется заметка Печерского «Борьба в оковах» (1963, 12 января), где он называет охранников в Собиборе «влазовцами». Это именование сохранится и в позднейших версиях его мемуаров.

В 1962 году Тальмант подает в издательство «Молодая гвардия» заявку на книгу о восстании в Собиборе. Его соавтором становится Александр Синельников, ответственный редактор радиовещания предприятия п/я 1323 – производителя зенитных ракетных комплексов для войск ПВО, более известного под позднейшим названием «ЦКБ Алмаз». Тема, видимо, кажется издательскому начальству подозрительной, и в октябре 1962-го главный редактор «Молодой гвардии» Валентин Осипов⁵⁴ направляет письмо на имя председателя КГБ СССР Владимира Семичастного с просьбой сообщить, «не располагает ли Комитет государственной безопасности сведениями, вызывающими возражения против упоминания А. А. Печерского в книге». В ответном письме начальник Группы при Председателе КГБ по изучению и обобщению опыта работы органов госбезопасности и данных о противнике Владимир Белоконев сообщает, что возражений не имеется.

Роман «Возвращение нежелательно» вышел в 1964 году. В стремлении сделать текст более «цензурным» соавторы изменили некоторые еврейские имена и фамилии героев. Но ценность этой книги в том, что она писалась в достаточно тесном сотрудничестве с Печерским – в период работы над романом они с Тальмантом неоднократно встречались и переписывались.

Выход романа Томина и Синельникова стал поводом для обмена письмами между Печерским и бывшим узником Собибора, израильтянином Моше Бахиром⁵⁵. Бахир задал Печерскому вопрос, почему в книге о лагере, созданном специально для уничтожения евреев, практически не упоминается слово «еврей». Ответ Печерского демонстрирует всю глубину пропасти между разными подходами к истории Собибора, собиборского восстания и шире – к истории Холокоста и Второй мировой войны: «Главное состоит в том, что в войне, в борьбе с гитлеровскими палачами отдавали свои жизни разные народы и народности, и большой задачей книги являлось показать, что такое интернациональная дружба и какие чудеса она творить может в самых тяжелых жизненных ситуациях. Книгу писали два автора (кстати, один из них еврей), и авторы не считали главной задачей своей работы выделить этот подвиг только потому, что его совершили евреи, их цель – показать победу человека над зверем. И в этом я с ними согласен».

За три года до книги Томина и Синельникова выходит коллективная монография «Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны» (М., 1961. С. 779–80), в которой есть два рассказывающих о Собиборе абзаца, но один из них полон ошибок, а второй представляет собой цитату из показаний Поврозника. Тем не менее сам факт упоминания восстания в самом авторитетном издании по теме был недвусмысленным знаком официального внимания. Кстати, во втором издании этой книги в 1963 году уже упоминаются фамилии Печерского и Лейтмана. Еще более отчетливым знаком изменившегося отношения к подвигу собиборцев стал краткий рассказ о нем (опять же с упоминанием Печерского и Лейтмана) в пособии «История СССР», изданном Высшей партийной школой и Академией общественных наук при ЦК КПСС (М., 1963).

⁵⁴ В. О. Осипов (1932 г.р.) – сын советского дипломата О. Я. Осипова (Шифмана), расстрелянного в 1938 году. Главный редактор «Молодой гвардии» (1962–1974), затем работал в журнале «Знамя», издательстве «Художественная литература». Известен в первую очередь как биограф Михаила Шолохова и «панфиловца» Василия Клочкова.

⁵⁵ Печерский в эти годы и позже интенсивно переписывается с границей, обмениваясь письмами с бывшими узниками, журналистами, исследователями. В 1965 году он дает объявление о розыске бывших заключенных Собибора в голландскую еврейскую газету Nieuw Israëlietisch Weekblad (14 мая), предлагая для связи свой ростовский домашний адрес.

Печерский активно выступает перед публикой – в библиотеках, домах культуры⁵⁶. В 1962 году он записывается для ростовского телевидения. В 1963 году журнал «Советиш Геймланд» (№ 2) помещает рассказ Печерского о том, как он в Минском лагере и в Собиборе узнал о восстании в Варшавском гетто. У него появляются добровольные помощники, пропагандисты подвига собиборцев: уже упомянутый Иона Родинов в Риге, учитель истории из Баку Пиня Калика, ленинградский литератор Авраам Белов-Элинсон, ростовчанин Лазарь Любарский и другие.

К концу оттепели история Собиборского восстания приобрела всесоюзную известность. Считаться участником тех событий теперь было не опасно, а почетно и даже выгодно. Доказательством тому – появление в 1963 году лже-Цибульского, радостно встреченное прессой.

Реальный Борис Цибульский был одним из самых активных участников восстания. После побега из лагеря и перехода через Буг он заболел крупозным воспалением легких и умер в белорусском лесу. Впрочем, сам Печерский не был свидетелем его смерти и узнал о ней позже и с чужих слов. Поэтому, когда «Правда» рассказала о том, как новосибирский учитель физкультуры Борис Цибульский выступил перед горожанами с воспоминаниями о восстании в Собиборе, Печерский не был готов категорично утверждать, что корреспондент имел дело с самозванцем. Он написал в газету, получил адрес и послал Цибульскому письмо. Тот ответил коротко, обещал позже написать подробно и позвонить, но надолго исчез. Все стало более или менее понятно. Однако Печерский по-прежнему боялся оскорбить друга недоверием и потому воздерживался от публичных разоблачений. Даже когда год спустя газета «Советский воин» поместила фото новосибирского Цибульского (по-видимому, он действительно был фронтовиком, и его имя и фамилия совпадали с данными погибшего узника Собибора), Печерский попытался уверить себя, что на фотографии изображен его товарищ.

Он собирался поехать в Новосибирск, но тут Цибульский позвонил, причем из Харькова, куда собрался переезжать. В телефонной беседе он откровенно «поплыл», не смог толком ответить ни на один вопрос Печерского. Сомнений не оставалось. Через несколько дней после этого разговора самозванец написал покаянное письмо, где признался во лжи.

Печерский не стал публично разоблачать лже-собиборца. Но через восемь лет эта история получила еще более драматическое продолжение. Сюжет с самозванцем заинтересовал знаменитую журналистку «Известий» Нину Александрову – участницу войны, кавалера двух орденов Красной Звезды. Непонятно, был ли Печерский инициатором ее интереса к этой теме, однако он в любом случае не возражал против готовящегося разоблачения и помогал журналистке сведениями и документами.

Известинец Анатолий Друзенко вспоминает, что статью хотели ставить в номер, но Александрова сказала: «Я хочу посмотреть ему в глаза» – и выписала командировку в Харьков. 18 мая 1972 года самолет, на котором она летела, разбился в 12 км от пункта назначения. Страна узнала об этой катастрофе, так как вместе с Александровой и другими погиб известный пародист Виктор Чистяков. Очерк о самозванце «Капля крови в пуд соли» вышел посмертно.

Впрочем, нас в этой истории больше всего интересует мотивация Цибульского. Он не просто хотел примазаться к чужой славе, но и понимал, что пребывание в Собиборе можно конвертировать во вполне ощутимые материальные блага. И действительно, собкор «Известий» утверждал, что «Собибор помог ему получить квартиру в Харькове». То есть в начале 1960-х годов информация о восстании в Собиборе вовсе не была неким «тайным знанием» – напротив, оно ощущалось как «утвержденный государством» подвиг, неотъемлемая часть официальной истории войны.

Отдельно надо сказать о судах над палачами Собибора, проходящих в эти годы в СССР и за рубежом.

⁵⁶ Борисов М. В фонд мира. – «Вечерний Ростов», 1962, 11 июля; Интересная встреча. – Там же, 1963, 10 июня.

В Советском Союзе преследование пособников нацистов началось еще в годы войны, сразу после освобождения оккупированных территорий, и продолжалось несколько десятилетий с неослабевающей интенсивностью. Юридическим обоснованием репрессий служил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.